

Абрахам МЕРРИТТ

КОРАБЛЬ ИШТАР

Абрахам Грэйс Меррит Корабль Иштар

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=136035

Мерритт А. Корабль Иштар: Северо-Запад; СПб.; 1993

ISBN 5-8352-0119-2

Оригинал: Abraham GraceMerritt, "The Ship of Ishtar", 1924

Перевод:

Дмитрий Арсеньев

Аннотация

Герой романа «Корабль Иштар» Джон Кентон, преуспевающий житель современной цивилизации, волею волшебства переносится в мир аккадских богов, выясняющих свои запутанные отношения с помощью обычных людей. Угодив в самую гущу интриг, затеянных богами, Джон Кентон становится главным действующим лицом в борьбе добра и зла, света и тьмы, Богини Иштар и Нергала – Повелителя Теней – Бога, правящего в подземном царстве.

Содержание

1. ПОЯВЛЕНИЕ КОРАБЛЯ	4
2. ПЕРВОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ	6
3. КОРАБЛЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ	9
4. ГРЕХ ЗАРПАНИТ	13
5. КАК РАССУДИЛИ БОГИ	15
6. Я НЕ – ЖЕНЩИНА!	19
7. РАБ НА КОРАБЛЕ	22
8. РАССКАЗ СИГУРДА	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Абрахам МЕРРИТ КОРАБЛЬ ИШТАР

1. ПОЯВЛЕНИЕ КОРАБЛЯ

Облачко странного запаха по спирали поднималось над большим каменным блоком. Кентон почувствовал, как оно будто ласковой ладонью коснулось его лица.

Он отчетливо ощущал этот запах – незнакомый аромат, слегка беспокоящий, воскрешающий в памяти чуждые ускользающие образы, отрывки мыслей, что исчезали, прежде чем мозг мог уловить их, – ощущал с того самого мгновения, как снял упаковку с предмета, который старый археолог Форсит прислал ему из песчаных склепов давно мертвого Вавилона.

Он снова мысленно измерил блок – четыре фута в длину, несколько больше в высоту, немного меньше в ширину. Выцветшего желтого цвета, столетия висели на нем, как полупрозрачное одеяние. Надпись только на одной стороне, десяток параллельных линий архаичной клинописи; если Форсит не ошибся в своем толковании, надпись сделана во времена правления Саргона Аккадского, шесть тысяч лет назад. Поверхность камня оббита, усеяна трещинами, знаки в форме клиньев повреждены, почти неразличимы.

Кентон склонился ниже, аромат стал сильнее, его спирали цеплялись, как десятки щупалец, как маленькие пальцы, тоскующие, просящие, умоляющие...

Умоляющие об освобождении!

Что за вздор! Кентон распрямился. Рядом лежал тяжелый молоток; Кентон схватил его и нетерпеливо ударил.

Послышался звук; он становился громче; еще громче, в нем прозвучали музыкальные тона, будто заговорили где-то далеко нефритовые колокольчики.

Звук прекратился, остался только высокий колокольный перезвон; колокольчики звучали все яснее, все ближе, они приближались по бесконечным коридорам времени.

Потом резкий треск. Блок раскололся. Оттуда запульсировало сияние розового перламутра, а вместе с ним – волна за волной аромата, больше не вопрошающего, не тоскующего, не умоляющего.

Теперь он был ликующим! Триумфальным!

Что-то скрывается в блоке! Что-то пролежало в нем шесть тысяч лет, со времен Саргона Аккадского!

Снова прозвучали нефритовые колокольчики. Снова они просили о чем-то, потом повернули и понеслись назад, по бесконечным коридорам времени. Стихли, и тут же блок стал опадать; исчез; превратился в кружащееся, медленно оседающее облако сверкающей пыли.

Облако вращалось, водоворот сверкающего тумана. И исчезло, как будто отдернули занавес.

В блоке находился – корабль!

Он плыл на пьедестале волн из лазурита, верхушки волн белели молочным горным хрусталем. Корпус корабля тоже из хрусталя, кремового и слегка прозрачного. Нос в виде ятагана, круто изогнутого назад. Под загнутым назад концом ятагана каюта, ее обращенные к морю стены, как у галеонов, образованы высоко поднятыми на носу бортами. Там, где борта поднимались, образуя каюту, начиналось легкое сияние, согревавшее туманный хрусталь; оно становилось сильнее по мере подъема бортов; ярко сверкало на самом верху, превращая каюту в розовый драгоценный камень.

В центре корабля, занимая треть его длина, находилась гребная яма; к ней от розовой каюты спускалась палуба цвета слоновой кости; часть палубы, шедшая к корме по другую сторону ямы, черная. На корме другая каюта, больше, чем на носу, но приземистая и тоже черная. Обе части палубы широкими платформами тянулись по бокам гребной ямы. Посреди корабля белая и черная части палубы встречались, при этом возникало странное впечатление соперничества, борьбы. Они не смешивались, не переходили друг в друга. Обрывались резко, край к краю, враждебно.

Из ямы поднималась высокая мачта; заостренная и зеленая, как сердцевина огромного изумруда. На рее размещался широкий парус, светящийся, будто сделанный из огненных опалов; от мачты и реи спускались снасти тусклого золота.

По обе стороны корабля по одному ряду больших весел – их семь, их алые лопасти погружены в перламутровую лазурь волн.

И драгоценный корабль имел экипаж! Почему, удивился Кентон, он не заметил этого раньше?

Как будто крошечные фигурки только что появились на палубе... женщина выскользнула из двери розовой каюты, ее рука еще протянута к закрывающейся двери... и еще женские фигуры на белой палубе, их три, они сидят... головы низко опущены; две держат арфы, третья – двойную флейту...

Маленькие фигурки, не больше двух дюймов в высоту...

Игрушки!

Странно, но он не может различить ни черты лица, ни детали одежды. Фигурки нечеткие, как будто на них наброшена вуаль. Кентон сказал себе, что виной тому его глаза; на мгновение закрыл их.

Открыл их, взглянул на черную каюту и почувствовал все растущее недоумение. Когда корабль появился, черная палуба была пуста – он готов поклясться в этом.

Теперь здесь, на самом краю ямы, виднелись четыре куклы.

А сбивающая с толку дымка вокруг игрушек все гуще. Конечно, виной его глаза – что же еще? Надо лечь и дать им отдохнуть немного. Он неохотно повернулся, медленно пошел к двери, остановился в нерешительности, оглядываясь на сверкающую загадку...

Всю комнату за кораблем затянуло дымкой!

Кентон услышал рев бури, звуки множества ураганов, свистящий хаос обрушился на него водопадом могучих ветров.

Комната раскололась на тысячи фрагментов, растаяла. Сквозь этот хаос ясно слышались звуки колокола... один... два... три...

Он узнал этот колокол. Его часы били шесть. Третий удар оборвался на середине.

Прочный пол, на котором он стоял, растаял. Кентон почувствовал, что висит пространстве, полном серебряного тумана.

Туман рассеивался.

Кентон увидел сквозь него обширную поверхность волнующегося океана, а в десяти футах под собой – палубу корабля.

Потом ошеломляющий толчок, удар в правый висок. Расщепляющиеся молнии принесли с собой тьму, которая охватила и море, и корабль.

2. ПЕРВОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Кентон лежал, прислушиваясь к негромкому шепоту, несмолкающему, настойчивому. Будто небольшие медленные волны. Все вокруг наполнено этим звуком. Журчащий шепот становился все настойчивее. В закрытые глаза ударил свет. Кентон почувствовал движение, поверхность под ним мягко поднималась и опускалась. Он открыл глаза.

Он на корабле, лежит на узкой палубе, головой упираясь в фальшборт. Перед ним мачта, поднимающаяся из ямы. В яме прикованные люди движут большими веслами. Мачта, похоже, деревянная, но покрыта прозрачным изумрудным лаком. Она пробуждает какие-то неясные воспоминания.

Где-то он уже видел эту мачту.

Взгляд его пополз вверх по мачте: широкий парус, сделанный из опалового шелка. Низко нависло небо, затянутое мягким серебристым туманом. Он услышал женский голос, глубокий, музыкальный, льющийся, золотистый. Справа от него каюта под изогнутым ятаганом носом; она розовая. По ее верху проходит балкон; на нем цветущие маленькие деревья; голуби с клювами и лапками, алыми, будто вымоченными в рубиновом вине, взмахивают в ветвях белоснежными крыльями.

У дверей каюты женщина, высокая, стройная, глядящая куда-то вдаль. У ног ее три девушки. Две держат арфы, третья поднесла к губам двойную флейту. И снова воспоминания зашевелились в памяти Кентона и тут же были забыты: взгляд его упал на лицо женщины.

У нее широкие глаза, зеленые, как глубины лесных оврагов, и так же полные движущимися тенями. Голова маленькая, прекрасные черты лица, рот, говорящий о любви. На шее ямочка – чаша для поцелуев, пустая и ждущая наполнения. Над бровями серебряный полумесяц, тонкий, как нарождающаяся луна. Над каждым рогом полумесяца поток рыже-золотых волос обрамляет прекрасное лицо; поток устремляется вниз, разделяясь заостренными грудями; ручейками падает до самых ног в сандалиях.

Юная, как весна, – и мудрая, как осень; весна какого-то древнего Боттичелли – но и Монна Лиза в то же время; девственна телом, но не душой.

Он проследил за ее взглядом. По другую сторону гребной ямы стояли четыре человека. Один на голову выше Кентона, значительно массивнее его. Бледные глаза, не мигая, устремлены на женщину; в них угроза, злоба. Лицо у человека безбородое, бледное. Огромная приплюснутая голова гладко выбрита; нос хищно изогнут; с плеч падает до самых ног просторное черное одеяние. Слева от него еще два человека с бритыми головами, в черной одежде, сухощавые, похожие на волков; у каждого бронзовый рог в форма раковины.

Глаза Кентона задержались на последнем члене этой группы. Человек присел на корточки, опираясь заостренным подбородком на высокий барабан; изогнутые бока барабана блестели алым и черным, как полированная кожа большой змеи. Ноги мощные, но короткие – тело гиганта, узловатое и искривленное, невероятно сильное. Обезьяньими руками он обвивал бока барабана, длинные пальцы, лежавшие на коже барабана, подобны паучьим лапам.

Но Кентона поразило выражение его лица. Сардоническое и злое, но злоба не такая, как у остальных троих. Широкий рот похож на лягушечий, на тонких губах усмешка. Глубоко посаженные немигающие черные глаза с открытым восхищением устремлены на женщину с полумесяцем. На мочках оттопыренных ушей висят золотые диски.

Женщина быстро спустилась и встала рядом с Кентоном. Он мог бы протянуть руку и коснуться ее. Но, казалось, она его не видит.

– Эй, Кланет! – воскликнула она. – Я слышу голос Иштар. Он идет на свой корабль. Ты готов поклониться ей, слизь Нергала?

Ненависть исказила массивное бледное лица, как адская волна.

– Это корабль Иштар, – ответил он, – но мой страшный повелитель тоже претендует на него, Шарейн. Дом богини насыщен светом, но ответь мне, разве за мной не видна тень Нергала?

И Кентон увидел, что палуба, на которой стояли эти люди, черна, как смоль, и снова неясные воспоминания зашевелились в его мозгу.

Неожиданный порыв ветра ударил корабль, как открытой ладонью, наклонил его. Голуби на ветвях деревьев над розовой кабиной подняли крик; они взлетели, как белое облако, перевитое розовым; собрались вокруг женщины.

Обезьяньи руки барабанщика развернулись, паучьи пальцы удерживались на поверхности барабана. Тьма сгустилась над ним и скрыла его; тьма затянула всю корму корабля.

Кентон чувствовал, как собираются неведомые силы. Он скользнул ниже, прижимаясь к фальшборту.

От розовой каюты донесся золотой трубный звук, негодующий, нечеловеческий. Кентон повернул голову, волосы его встали дыбом, по коже поползли мурашки.

На крыше розовой каюты появился большой шар, похожий на полную луну, но не белый и холодный, как луна, – он жил, кипел розовым накалом. Он протянул лучи по кораблю, и там, где стояла женщина – Шарейн – теперь была на женщина.

Купающаяся в розовых лучах шара, она казалась гигантской. Веки закрыты, но сквозь закрытые веки смотрят глаза. Кентон ясно видел их – глаза, жесткие, как нефрит, смотрят сквозь веки, будто это паутина. Стройный полумесяц на голове превратился в арку живого пламени, а вокруг развевались рыже-золотые волосы.

А облако голубей круг за кругом вило над кораблем, белые крылья бьются, розовые клювы раскрыты, они кричат, кричат...

В черноте корабельной кормы загредел змеиный барабан. Чернота проредилась. Сквозь нее смотрело лицо, полускрытое, бестелесное, плывущее в тени. Лицо человека, по имени Кланет, – и в то же время так же не принадлежащее ему, как лица бросившей ему вызов женщины – Шарейн. Бледные глаза превратились в два бассейна адского пламени; они без зрачков. Мгновение это лицо парило, обрамленное тьмой. Потом его затянула и скрыла тень.

Теперь Кентон увидел, что тень эта висит, как занавес, точно по центру корабля, и что сам он лежит едва ли в десяти футах от того места, где этот занавес делит корабль надвое. Он лежит на белой палубе, и снова в голове зашевелилось неясное воспоминание. Сверкание шара ударило в теневой занавес, образовало диск, более широкий, чем корабль, как паутина лучей, протянулся он от огненной луны. Но тень прижалась к сверкающей паутине, стремясь прорвать ее.

Гром барабана с черной палубы усилился, заревели бронзовые рога. Звуки барабана и рогов смешались, они стали пульсом преисподней, логовища обреченных.

А рядом с Шарейн три женщины испустили бурю звуков, арпеджио арф устремились, как тонкие стрелы, резкие звуки флейты, как копья. Стрелы и копья звука прорывали барабанный гром и рев рогов, заглушали их, отгоняли прочь.

Внутри тени началось движение. Тень забурилась. Она кишела. На поверхности сверкающего диска появились черные формы. Их безликие тела походили на гигантских личинок, на слизняков. Они рвали паутину, пытались прорваться сквозь нее, колотились о нее.

Паутина подалась! Края ее держались, но центр медленно отступал, пока диск не превратился в полусферу. Внутри вогнутой полости ползали извивались, кишели чудовищные формы. Триумфально взревели во тьме барабан и бронзовые рога.

Снова с белой палубы золотой трубный звук. Из шара полилось невыносимое сияние. Края паутины устремились вперед и сомкнулись. Они захватили черные порождения, те бились и извивались, как рыба в сети. Как сеть, поднятая могучей рукой, паутина подня-

лась высоко над кораблем. Она стала еще ярче, сравнилась в яркости с шаром. Пойманные черные формы испускали жалкие высокие пiski. Они сжимались, таяли; исчезли.

Сеть раскрылась. Оттуда посыпалась черная пыль.

Паутина вернулась к пославшему ее шару.

И тут же шар исчез.

Исчезла и тень, затягивавшая корму корабля. Высоко над кораблем кружили белоснежные голуби, с победоносными криками.

Чья-то рука коснулась плеча Кентона. Он взглянул в затененные глаза женщину, которую звали Шарейн, теперь это была не богиня, просто женщина. В глазах ее виднелось недоумение, крайнее изумление.

Кентон вскочил на ноги. Резкая боль пронзила его голову. Палуба под ногами вращалась. Он старался преодолеть головокружение, не мог. Корабль продолжал медленно поворачиваться под ногами. А дальше широкой аркой поворачивалось бирюзовое море и серебряный горизонт.

И вот все образовало водоворот, внутрь которого его затянуло – он падал все быстрее, быстрее. Вокруг все стало бесформенным. Снова слышались голоса бурь, резкие крики ветров пространства. Звуки стихли. И только три ясных звонких удара...

Кентон стоял в своей комнате!

Колокол, который он слышал, – это часы, отбивавшие шесть. Шесть часов? Но ведь последний звук, который он слышал в своем мире, прежде чем его унесло в мир загадочного моря, был третий удар все тех же шести часов. Удар, оборванный посередине.

Боже – что за сон! И все на протяжении половины боя часов.

Он поднял руку и коснулся ссадины на виске. Сморщился – по крайней мере этот удар не был сном. Подошел к драгоценному кораблю. И в недоумении уставился на него.

Игрушечные фигурки на палубе переместились – и появились новые.

На черной палубе не было больше четырех кукол. Стояли только две. Одна указывала рукой направо, на место на палубе рядом с мачтой, другой рукой она опиралась на плечо игрушечного солдата, рыжебородого, с агатовыми глазами, одетого в сверкающую кольчугу.

Не было и женщины у двери розовой каюты – там ее видел Кентон, когда впервые появился корабль. На пороге каюты виднелись пять стройных девушек с короткими копьями в руках.

А женщина стояла на правой половине палубы и низко склонилась над бортом.

И весла корабля больше не были погружены в волны из лазурита. Они были подняты, готовы к очередному гребку!

3. КОРАБЛЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Одну за другой Кентон потрогал фигурки. Неподвижные, твердые, они казались частью палубы. Никакими усилиями он не мог их передвинуть.

Но что-то их передвинуло – а куда подевались исчезнувшие? Откуда возникли новые?

Вокруг крошечных фигур не было дымки, они больше не расплывались, каждая вырисовывалась очень четко. Игрушка, указывавшая на правую сторону палубы, – с короткими, кривыми ногами, у нее торс гиганта, лысая голова блестит, в ушах золотые диски. Кентон узнал его – барабанщик, бывший в змеиный барабан.

На голове склонившейся маленькой женщины-игрушки – миниатюрный полумесяц, и над ним потоки рыже-золотых волос...

Шарейн!

А место, на которое она смотрит, – разве не на этом месте лежал он на другом корабле в своем сне?

Этот – и есть тот корабль? Кентон опять увидел белую и черную палубы, розовую каюту и изумрудную мачту. Это тот самый корабль! Сон? Но что передвинуло игрушки?

Удивление Кентона росло. В то же время нарастало беспокойство, возбуждение, любопытство. Он обнаружил, что, глядя на корабль, не может четко рассуждать; казалось, корабль притягивает его к себе, наполняет его каким-то напряженным ожиданием. Кентон снял со стены занавес и набросил на сверкающую загадку. Потом вышел из комнаты, каждый шаг давался ему с трудом, непреодолимым было желание вернуться, повернуть голову. Он вытаскивал себя за дверь, чувствуя, будто чьи-то руки держат его, тащат назад. Все еще стараясь не обернуться, он протиснулся в дверь, затворил ее, закрыл на замок.

В ванной он осмотрел ссадину на голове. Болезненная, но ничего серьезного. Холодный компресс в течение получаса – и ничего не будет видно. Он говорил себе, что, должно быть, упал на пол под действием странного запаха, – но знал, что это не так.

Кентон пообедал в одиночестве, не обращая внимания на то, что стояло перед ним; мозг его по-прежнему был в недоумении. Что связано с этим блоком из Вавилона? Кто пометил внутрь его корабль и почему? В письме Форсита говорилось, что блок нашли в холме, известном под названием Амран, непосредственно к югу от Ксара – развалин «дворца» Набупаласара. Кентон знал: существуют доказательства, что Ксар – одна из сторон Е-Сагиллы, зиккурата, ступенчатого храма, который когда-то был Великим Домом богов в древнем Вавилоне. Блок, должно быть, пользовался особым почтением, заключил Форсит, поскольку только он был спасен при разрушении города Сеннахерибом и впоследствии помещен в восстановленный храм.

Но почему к нему относились с таким почтением? Почему такой чудесный корабль был заключен в камне?

Какой-то ключ к разгадке могла дать надпись, если бы не была так повреждена. В своем письме Форсит указывал, что имя Иштар – матери-богини всех вавилонян, а также богини мщения и разрушения, несколько раз повторялось в надписи. Видны были также стрелообразные символы Нергала, бога вавилонского Аида и повелителя мертвых. Много встречались символы Набу, бога мудрости. Эти три имени были почти единственными различными словами на блоке. Как будто кислота времени, изъевшая остальные знаки, эти не могла тронуть.

Кентон читал клинопись почти так же свободно, как родной английский. Он припомнил, что в надписи символы Иштар говорили о ее гневной ипостаси скорее, чем о доброй. И всегда сопровождалась знаком Набу, одновременно обозначавшим сигнал об опасности, предупреждение.

Очевидно, Форсит этого не заметил – или не счел достойным упоминания в письме. По-видимому, он также не подозревал о таинственном запахе блока.

Что ж, теперь нечего раздумывать о надписи. Она исчезла навсегда с пылью, в которую превратилась.

Кентон нетерпеливо отодвинул стул. Он знал, что весь час тянул время, разрываясь между горящим желанием вернуться в комнату, где находился корабль, и страхом, что когда он туда вернется, все его приключение окажется иллюзией, сном; Что маленькие фигуры на самом деле не двигались, что они на тех же местах, где и были, когда он впервые увидел корабль, что это всего лишь игрушки – ничего больше. Больше оттягивать он не будет.

– Больше обо мне сегодня не беспокойтесь, Джевинс, – сказал он дворецкому. – У меня важная работа. Если будут звонить, говорите, что меня нет. Я закроюсь, и тревожить меня можно только, если протрубит архангел Гавриил, не меньше.

Старик слуга, полученный Кентоном в наследство от отца, улыбнулся.

– Хорошо, мистер Джон, – сказал он. – Я не позволю никому беспокоить вас.

Путь в комнату с кораблем пролегал через другую, где Кентон держал предметы, приобретенные им в разных отдаленных концах земли. Проходя, он заметил яркое голубое свечение и остановился, как будто его задержали. Свечение исходило от рукояти меча в одном из шкафов – любопытного оружия, купленного им у одного кочевника в Аравийской пустыне. Меч висел на старинном плаще, в который он был завернут, когда вороватый араб проскользнул в его палатку. Бесчисленные столетия обесцветили лазурь плаща, на чьей ткани извивались большие серебряные змеи, кабалистически переплетенные.

Кентон достал меч. Серебряные змеи, двойники тех, что изображались на плаще, вились вокруг рукояти. От рукояти отходил бронзовый стержень, восьми дюймов длиной и трех толщиной, круглый, как посох. Стержень расширился и распластался в лезвие в форме листа в два фута длиной и в шесть дюймов шириной в середине. В рукоять был посажен большой туманно-синий камень.

Камень больше не был туманным. Он стал полупрозрачным и светился, как огромный сапфир.

Повинуясь полуоформленной мысли, связавшей эту новую загадку и сиянием корабля-игрушки, Кентон снял плащ и набросил его себе на плечи. Держа в руке меч, он открыл дверь и закрыл ее за собой на ключ; подошел к завешенному кораблю; снял с него покрывало.

Чувствуя, как сильнее забилося сердце, Кентон отпрянул.

На корабле виднелись лишь две фигуры: барабанщик, сидевший на корточках на черной палубе, положив голову на руки, а на белой палубе девушка, склонившаяся на перила и смотревшая в гребную яму.

Кентон выключил электричество и стоял в ожидании.

Ползли минута за минутой. Отсветы огней Пятой авеню проникали сквозь занавеси и отсвечивали в корабле. Приглушенно, но отчетливо доносились звуки уличного движения, по временам гудки автомобилей – знакомый голос Нью-Йорка.

Что за ореол окутал корабль? И куда делись звуки с улицы?

Комната наполнялась тишиной, как сосуд наполняется водой.

Но вот тишину нарушил звук – звук волн, томный, ласкающий. Звуки гладили, такие усыпляющие, прижимали веки. С огромными усилиями он удержал глаза открытыми.

На него наплывал круглый серебряный туман. В тумане плыл корабль, весла его неподвижны, парус наполнен наполовину. Волны завивались у заостренного носа, светло-бирюзовые с кружевами пены.

Половина комнаты потерялась в волнах приближающегося моря... та часть, в которой он стоял находилась на много футов выше волн... они так далеко внизу, что палуба корабля на уровне его ног.

Корабль приближался. Кентон удивился, почему не слышит свиста ветра, грома ураганов, ни звука, кроме слабого шепота увенчанных пеной волн.

Отступая, Кентон уперся спиной в противоположную стену. Перед ним плыл туманный мир, и на его груди – корабль.

Кентон прыгнул, нацеливаясь на палубу.

Вокруг него теперь ревел ветер, ветры выли и кричали – он их слышал, но совсем не чувствовал. И неожиданно все стихло.

Ноги Кентона коснулись твердой поверхности.

Он стоял на белой палубе, лицом к розовой каюте, чьи маленькие цветущие деревья были полны воркующими голубями с алыми клювами и зелеными лапами. Между ним и дверью каюты стояла девушка, мягкие карие глаза полны удивлением и тем же недоверием, которое он видел в глазах Шарейн, когда та впервые увидела его у изумрудной мачты.

– Ты повелитель Набу, что явился из воздуха, в его плаще мудрости, на котором вьются его змеи? – прошептала девушка. Но этого не может быть – Набу очень стар а ты молод. Ты его посланец?

Она опустила на колени, сложила руки, ладонями наружу, над лбом. Потом вскочила и побежала к закрытой двери каюты.

– Кадишту! – она кулаком ударила по двери. – Святая, вестник от Набу!

Дверь каюты распахнулась. На пороге стояла женщина – Шарейн. Взгляд ее упал на Кентона, потом – на черную палубу. Он тоже посмотрел туда. Там на корточках сидел барабанщик; казалось, он спит.

– Карауль, Саталу! – сказала Шарейн девушке.

Она схватила Кентона за руку и втащила его в дверь. Там были еще две девушки. Они уставились на Кентона. Шарейн вытолкнула их.

– Наружу! – прошептала она. – Наружу и помогите Саталу.

Они выскользнули из каюты. Шарейн подбежала к другой, внутренней, двери, ведущей во вторую часть каюты, и закрыла ее на затвор.

Потом повернулась и медленно подошла к Кентону. Протянула к нему тонкие пальцы, коснулась ими его глаз, рта, сердца – как будто хотела убедиться, что он реален.

Взяла его руки в свои, прижалась к ним лбом, волны ее волос окутали его. Волосы ее – серебряная сеть, в которую устремилось его сердце.

Она подняла голову, посмотрела на него.

– Что повелитель Набу хочет сказать мне? – голос ее поразил Кентона опасной мягкостью. – Каковы его слова ко мне, посыльный? Я готова слушать – в своей мудрости повелитель Набу прислал посыльного, которого легко... слушать.

В голосе ее звучало легкое кокетство, в обращенных к нему туманных глазах – озорство.

Потрясенный близостью к ней, в поисках прочной почвы, Кентон пытался найти слова ответа. Стараясь выиграть время, он осмотрелся. В дальнем конце каюты алтарь. Он вышит блестящими жемчужинами, перламутровыми и бледными лунными камнями, застывшим молочным хрусталем. Перед алтарем семь хрустальных бассейнов, из них поднимается неподвижное серебряное пламя. За алтарем альков, но свет семи огней скрывает его содержание. У Кентона появилось смутное ощущение, что в алтаре кто-то скрывается.

В дальнем конце каюты низкий широкий диван слоновой кости, выложенный молочным хрусталем и украшенный золотыми арабесками. Серебряные шпалеры покрывают стены, многоцветные, вышитые цветами. Мягкие глубокие серебряные ковры покрывают пол каюты, на коврах – груды подушек. Сзади и слева открыты два широких низких окна, сквозь них струится серебряный свет.

На подоконник села птица, снежно-белая, с алым клювом и лапками; посмотрела на Кентона, прихорошилась, проворковала и улетела.

Мягкие ладони коснулись его, лицо Шарейн было близко, в глазах теперь – глубокое сомнение.

– Ты на самом деле от Набу? – спросила она и ждала ответа; а он по-прежнему не знал, что сказать. – Ты должен быть посланником, – она запнулась, – иначе... как ты можешь оказаться на борту корабля Иштар?... И ты одет в плащ Набу... у тебя его меч... я много раз видела его в храме в Уруке... и я так устала от этого корабля, – прошептала она. – Я хочу снова увидеть Вавилон! О, как я хочу в Вавилон!

Теперь Кентон нашел нужные слова.

– Шарейн, – смело сказал он, – у меня есть послание для тебя. Это правда, а наш повелитель Набу – бог правды, поэтому послание должно быть от него. Но прежде чем я сообщу его тебе, расскажи мне – что это за корабль?

– Что за корабль? – она откинулась, теперь все ее лицо выражало недоверие. – Но если ты действительно от Набу, ты должен это знать!

– Не знаю, – ответил он. – Не знаю даже значения того послания, которое несу – расшифровать его должна ты. Но я здесь, на корабле, перед тобой. И своими ушами я слышал приказ – приказ самого Набу – я не должен говорить, пока ты не расскажешь мне, что это за корабль.

Некоторое время она стояла, разглядывая его, изучая.

– Неисповедимы пути богов, – вздохнула она наконец. – Трудно их понять. Но – я повинуюсь.

4. ГРЕХ ЗАРПАНИТ

Шарейн опустилась на диван и поманила Кентона к себе. Положила руку ему на сердце. Сердце забилось от ее прикосновения, она тоже почувствовала это и слегка отодвинулась, улыбаясь, глядя на него сквозь полуприкрытые, загибающиеся ресницы. Подогнула под себя стройные ноги в сандалиях, зажала белые руки меж круглых коленей. А когда заговорила, голос ее звучал негромко, музыкально.

– Грех Зарпанит; рассказ о ее прегрешении против Иштар; Иштар могучей богини матери богов и людей, повелительницы неба и земли – которая любила ее.

Главной жрицей Иштар в ее Большом доме в Уруке была Зарпанит. Кадишту, святая, была она А я, Шарейн, родом из Вавилона, стояла к ней ближе всех; ее главная помощница; она любила меня, как ее любила Иштар. Через Зарпанит богиня давала свои советы и предупреждения, награждала и наказывала – королей и простых людей. В теле Зарпанит приходила богиня в свой храм, видела глазами Зарпанит, говорила ее устами.

Храм, в котором мы жили, назывался Домом семи богов. В нем было святилище Сина, бога богов, живущего на Луне; Шамаша, сына Сина, чей дом на Солнце; Абу, повелителя мудрости; Ниниба, повелителя войн; Нергала, Темного безрогого, правителя мертвых; и Бела-Мардука, великого повелителя. Но прежде всего это был дом Иштар, здесь она была в своем праве – ее храм был ее святым домом.

Из Гутава, на севере, из храма, в котором темный Нергал правил так же, как в Уруке правила Иштар, приехал в Дом семи богов жрец, чтобы стать главным жрецом храма Нергала. Звали его Алусар – и как Зарпанит была близка к Иштар, так он был близок к Нергалу. Нергал проявлял себя через Алусара, говорил через него и временами жил в нем, как жила иногда в Зарпанит Иштар. Вместе с Алусаром прибыла свита жрецов, и среди них это порождение слизи Нергала – Кланет. Кланет был так же близок к Алусару, как я – к Зарпанит.

Шарейн подняла голову и сузившимися глазами посмотрела на Кентона.

– Я узнала тебя! – воскликнула она. – Ты недавно лежал на корабле и следил за моей борьбой с Кланетом. Я узнала тебя, хоть тогда на тебе не было этого плаща и меча; и ты исчез, когда я смотрела на тебя.

Кентон улыбнулся ей.

– У тебя было испуганное лицо, – сказала она. – Ты смотрел на меня испуганными глазами – и бежал!

Она привстала; он видел, что ее вновь охватило сомнение; презрение в ее голосе вызвало в нем вспышку гнева. Он привлек ее к себе.

– Я был тот человек, – сказал он. – И не моя вина, что я исчез, я вернулся, как только смог. И твои глаза обманули тебя. Никогда больше не думай, что я тебя боюсь! Посмотри мне в глаза! – яростно говорил он.

Она смотрела – долго; вздохнула и отклонилась, снова вздохнула и качнулась к нему, томно. Его руки обхватили ее.

– Довольно, – она отвела их. – Я не тороплюсь читать в глазах незнакомцев. Но беру свои слова назад – ты не боялся. И не сбежал! Теперь я в тебе не буду сомневаться. Да будет так!

Между Иштар и Нергалом, – продолжала она прерванный рассказ, – существуют и всегда должны существовать ненависть и борьба. Потому что Иштар – созидательница жизни, а Нергал – ее уничтожитель. Она возлюбленная добра, он возлюбленный зла. И как же можно соединить небо и ад, жизнь и смерть, добро и зло?

И все же она, Зарпанит, кадишту, святая жрица Иштар, ее любимица, соединила все это. Там, где ей следовало отвернуться, она посмотрела с вожелением; там, где нужно было ненавидеть, она – любила!

Да, жрица повелительницы жизни полюбила Алусара, жреца повелителя смерти! Ее любовь была ярким пламенем, в котором она видела его и только его. Будь Зарпанит самой Иштар, она ради Алусара пошла бы в жилище мертвых, как поступила богиня ради своего возлюбленного Таммуза, – чтобы забрать его оттуда или жить там с ним.

Да, даже жить с ним там, в холодной тьме, где медленно передвигаются мертвые, переключаясь слабыми птичьими голосами. В холоде царства Нергала, в голоде его жилища, в черноте его города, где самая глубокая тень земли как солнечный луч, Зарпанит была бы счастлива – зная, что она с Алусаром.

Так сильно она любила его!

Я помогала ей в ее любви – ради любви к ней, – шептала Шарейн. – Но Кланет всегда был рядом с Алусаром, ожидая шанса предать его и самому занять его место. А Алусар верил ему. И вот настала ночь...

Шарейн замолчала, лицо ее казалось изможденным от ужаса воспоминаний.

– Настала ночь... ночь, когда Алусар лежал с Зарпанит... в ее комнате. Он обнимал ее... она обнимала его... губы и соприкасались...

И в эту ночь спустилась с неба Иштар и вселилась в нее!..

И в то же мгновение из своего темного города явился Нергал... и вселился в Алусара...

И в объятиях друг друга, глядя друг другу в глаза, охваченные огнем смертной любви... были... Иштар и Нергал... небо и ад... душа жизни слилась с душой смерти!

Шарейн задрожала и заплакала, прошли долгие минуты, прежде чем она снова смогла заговорить.

И тут же двое обнявшихся были оторваны друг от друга. Мы были подхвачены ураганом, ослеплены молниями, обожжены и избиты о стены. А когда пришли в себя, вокруг были все жрецы и жрицы всех семи храмов. И грех перестал быть тайной!

Да, и даже если бы Иштар и Нергал... не встретились... грез все равно стал бы известен. Потому что Кланет, который должен был стоять на страже, предал их и привел всю свору.

Да будет проклят Кланет! – Шарейн высоко подняла руки, и ее ненависть ударила Кентона, как языком пламени. – Пусть Кланет вечно ползает слепой в холодной черноте жилища Нергала! Но богиня Иштар! Гневная Иштар! Отдай сначала его мне, чтобы я сама послала его туда!

5. КАК РАССУДИЛИ БОГИ

– Некоторое время, – продолжала Шарейн, – мы лежали во тьме, Зарпанит и я, а об Алусаре мы ничего не знали. Велик был грех этих двоих, и я разделяла его. Долго пришлось нам ждать решения своей судьбы. Я, как могла, утешала ее – я ее любила и о себе не думала, а сердце ее готово было разбиться: она ведь ничего не знала о нем, том, которого любила.

Потом настала ночь, когда за нами пришли жрецы. Они вытащили нас из темницы и молча отвели к входу в Ду-Аззага, бриллиантовый зал, зал совета богов. Здесь были другие жрецы с Алусаром. Вход боязливо открыли и нас троих втолкнули внутрь.

И тут я впервые упала духом, я испугалась и почувствовала, как рядом дрожит Зарпанит.

Потому что Ду-Аззага была полна светом, а на месте изображений богов были сами боги! Скрытые сверкающим облаком, боги глядели на нас. А на месте Нергала была тьма.

Из сияющего лазурного тумана перед алтарем Набу донесся голос повелителя мудрости.

– Велик твой грех, женщина, – произнес этот голос, – и твой, жрец, так велик, что обеспокоил даже нас, богов! Что вы можете сказать, прежде чем мы вас накажем?

Голос Набу звучал холодно и бесстрастно, как свет далеких звезд, – и все же в нем было понимание.

И тут вспыхнула моя любовь к Зарпанит, я ухватилась за нее, и она придала мне силы; я чувствовала, как распрямляется ее душа, непокорная, любовь стала ее щитом. Она не ответила – только протянула руки к Алусару. И его любовь проявилась бесстрашно, как и ее. Он обнял ее.

Их губы встретились – и боги-судьи были забыты!

Тогда снова заговорил Набу.

– В этих двоих пламя, которое никто, кроме Иштар, не может погасить; и вряд ли даже она сможет.

При этих словах Зарпанит отвела руки своего возлюбленного, подошла к сиянию, скрывавшему Иштар, поклонилась и обратилась к ней:

– Да, о мать, разве ты не мать огня, который мы зовем любовью? Разве не ты создала любовь и, как факел, утвердила ее над хаосом? И разве ты не знаешь, какова сила любви? Любовь, созданная тобой, пришла незваной в этот храм, в мое тело, которое было твоим и все еще им остается, хотя ты от него отказалась. Разве моя вина, что любовь оказалась такой сильной, что взломала двери твоего храма; разве моя вина, что любовь ослепила меня и дала видеть лишь того, на ком она сияет? Ты создательница любви, о Иштар и если ты хотела, чтобы ее можно было победить, почему ты сделала ее такой могучей? И если любовь стала сильнее, чем ты ее создавала, можно ли винить нас, мужчин и женщин, если даже ты не можешь справиться с нею? И даже если любовь не сильнее тебя, ты сделала ее сильнее человека.

Молчание богов нарушил повелитель Набу.

– В ее словах правда Огонь, который горит в них, известен тебе лучше, чем нам, о Иштар. Поэтому отвечать должна ты.

Из-за сверкающей вуали донесся голос богини, мягкий, но в то же время гневный:

– Есть правда в том, что ты говоришь, Зарпанит, которую я некогда называла дочерью. Из-за этой правды я сдержу свой гнев. Ты спрашиваешь, сильнее ли любовь меня, ее создательницы. Мы узнаем это! Ты и твой возлюбленный будете жить в некоем месте, открытом только для вас. Вы вечно будете вместе. Вы сможете смотреть друг на друга, глаза ваши будут встречаться – но никогда руки или губы! Вы сможете говорить друг с другом – но никогда об

этом пламени, называемом любовью! Ибо когда оно вспыхнет и повлечет вас друг к другу, я, Иштар, вселюсь в тебя, Зарпанит, и вступлю с нею в бой! И это будет не знакомая тебе Иштар. Это будет та моя ипостась, которую люди называют Гневной, Уничтожителем, – она овладеет тобой. И так будет до тех пор, пока пламя ее в тебе не погаснет!

Голос Иштар смолк. Остальные боги сидели молча. Потом и тьмы алтаря Нергала донесся голос повелителя смерти!

– Так говоришь ты, Иштар! А я, Нергал, говорю тебе – я с этим человеком, моим жрецом. Не могу сказать, что я им недоволен: благодаря ему я так близко заглянул в твои глаза, о мать жизни! – тьма задрожала от хохота. – Я буду с ним и встречусь с тобой, Иштар-Разрушительница! Да, с искусством, достойным твоего, и с силой, не меньшей, чем твоя, – пока я, а не ты, загашу это пламя. Потому что в моем жилище такого пламени нет – и я погашу его, чтобы моя тьма не испугалась, когда эти двое наконец попадут ко мне!

И снова хохот сотряс черное облако, а сияние, скрывавшее богиню, задрожало от ее гнева.

А мы трое слушали в отчаянии – наши несчастья усугублялись, когда мы слышали этот разговор Темного Безрогого с Матерью неба.

Снова послышался голос Иштар, еще тише:

– Да будет так, Нергал!

Остальные боги продолжали молчать; и мне показалось, что за своими покровами они искоса смотрят друг на друга. Наконец послышался бесстрастный голос Набу:

– А как эта другая женщина?..

Нетерпеливый ответ Иштар:

– Ее судьба будет связана с судьбой Зарпанит. Она будет в свите Зарпанит, там, куда она отправляется.

Снова голос Набу:

– Жрец Кланет – он свободен?

– Что Разве у Алусара не будет своей свиты? – насмешливо спросил Нергал. – Нет, Кланет и другие будут с Алусаром.

И снова мне показалось, что боги поглядывают друг на друга; потом Набу спросил:

– Так ли, Иштар?

И Иштар ответила:

– Да будет так!

Ду-аззага потемнела, мы были одни.

Проснувшись, мы оказались на этом корабле, в этом странном море, в странном мире, и все, что провозгласили боги в Ду-аззаге, осуществилось. С Зарпанит и мною были пять храмовых девушек, которых она любила. А с Алусаром был Кланет и свора черных жрецов. У нас были гребцы, крепкие храмовые рабы, – по двое на каждое весло. Корабль был прекрасен, и боги позаботились, чтобы в нем было все необходимое.

На мгновение в глазах ее вспыхнуло пламя гнева.

– Да, – сказала она, – добрые боги устроили нас удобно – и спустили этот корабль в странное море этого странного мира как поле битвы любви и ненависти, как арену, на которой сражаются Гневная Иштар и Темный Нергал, как камеру пыток для своих любимых жрицы и жреца.

Зарпанит проснулась в этой каюте – с именем Алусара на устах. Она выбежала из двери, а из черной каюты, призывая ее, вышел Алусар. Я видела, как она добежала до линии, разделяющей корабль, там, где встречаются белая и черная палубы, – и вот ее отбросило назад, как чьими-то руками. Потому что там барьер, вестник, барьер, созданный богами, и никто из нас на корабле не может преодолеть этот барьер. Но ведь тогда мы ничего не знали об этом. И Алусар тоже был отброшен назад.

И вот, когда они встали, протягивая друг к другу руки, пытаясь коснуться друг друга, в Зарпанит вселилась ипостась Иштар, Гневная Иштар, Иштар-Разрушительница, а вокруг Алусара собралось темное облако и скрыло его. А когда оно рассеялось, вместо лица Алусара смотрело лицо Нергала, повелителя смерти!

Так и было – как установили боги. И вот бессмертные двойники в теле смертных, любивших друг друга, сражались, ненавидели, а рабы в яме цеплялись за весла и сходили с ума или падали без сознания при виде этого ужаса. А храмовые девушки падали на палубу или бежали, зажав уши, в каюту, чтобы ничего не видеть. И только я не кричала и не бежала – тот, кто однажды видел богов в Ду-аззаге, больше никогда ничего не боится.

И так продолжалось; как долго, я не знаю; в этом месте, кажется, нет времени; здесь нет ни дня, ни ночи, какими мы знали их в Вавилоне.

И снова и снова Зарпанит и Алусар стремились встретиться, и снова и снова Гневная Иштар и Темный Нергал отбрасывали их друг от друга. Много хитростей знает повелитель тьмы, и бесчисленно его оружие. Много искусств у Иштар, и разве не всегда полон ее колчан? Вестник, я не знаю, сколько выдержала эта пара. Но все время пытались они разорвать преграду, влекомые своей любовью. И всегда...

Шарейн продолжала шептать:

– Пламя в них продолжало гореть. Ни Нергал, ни Иштар не могли приглушить его. Их любовь делалась все сильнее. И вот настал день...

Это было в середине схватки. Иштар овладела Зарпанит и стояла там, где начинается гребная яма. Нергал вселился в Алусара и бросил свою темную сеть через яму на сверкавшую молниями богиню.

И тут, сидя скорчившись у входа в каюту, я увидела, как померкло сияние Иштар. Лицо Иштар стало расплываться и блекнуть, и на его месте показалось лицо Зарпанит.

Тьма, окружавшая повелителя мертвых, просветлела, как будто внутри нее вспыхнуло сильное пламя.

И тут Иштар сделала шаг к барьеру, разделявшему палубы, и еще шаг, и еще. Но мне показалось, что не по своей воле она движется. Нет! Она шла спотыкаясь, неохотно, как будто кто-то сильнее ее подталкивал ее вперед. И так же двигался Нергал внутри своей тени навстречу ей.

Они все ближе подходили друг к другу. А сияние Иштар все меркло и меркло. И тьма, окутывавшая Нергала, все светлела и светлела. И вот медленно, вопреки своей воле, но неумолимо они приближались друг к другу. Я видела, как сквозь маску Нергала просвечивает лицо жреца Алусара.

Медленно, медленно белые ноги Зарпанит несли Иштар к барьеру; и медленно, медленно, как и она, шел ей навстречу Алусар. И они встретились!

Руки их соединились, губы соприкоснулись, и побежденные бог и богиня покинули их.

Они поцеловались и упали. Упали на палубу – мертвые. Мертвые, в объятиях друг друга.

Не победили ни Иштар, ни Нергал! Нет! Победила любовь – любовь мужчины и любовь женщины. Победившее бога и богиню пламя освободилось!

Жрец упал по нашу сторону барьера. Мы не разжимали их объятий. Опустили их в воду вместе, лицом к лицу.

И я побежала навстречу Кланету – чтобы убить его. Но я забыла, что ни Иштар, ни Нергал не победили друг друга. И вот в меня вселилась богиня, а в Кланета – Нергал. И как раньше, они сражались друг с другом. И снова, как и раньше, невидимый барьер был непреодолим, отделяя тех, кто на белой палубе, от тех, кто на черной.

Но я была счастлива, потому что знала – боги забыли о Зарпанит и Алусаре. Для них двоих битва кончилась. Ни Гневная Иштар, ни Нергал больше не думали о своих жрице

и жреце – в моем теле и теле Кланета они могли продолжать свою борьбу за обладание кораблем...

И вот мы плывем – и боремся, плывем – и боремся... Как долго, я не знаю. Много, много лет должно было пройти с того времени, как я видела богов в Уруке, но посмотри, я все еще молода, все еще хороша! По крайней мере так говорит мне зеркало, – и она вздохнула.

6. Я НЕ – ЖЕНЩИНА!

Кентон сидел молча, не отвечая. Она молода и хороша – а Урук и Вавилон уже тысячи лет лежат в развалинах!

– Скажи мне, – услышал он ее голос, – по-прежнему ли храм в Уруке славится между народами? А Вавилон по-прежнему ли гордится своим господством?

Он молчал, в нем боролась вера в то, что он в каком-то чужом, незнакомом мире, и здравый смысл.

А Шарейн, с обеспокоенным лицом, смотрела на него все с большим и большим сомнением. Она отскочила от него и стояла дрожа, как гневное лезвие в прекрасных ножнах.

– Ты принес мне послание? – воскликнула она. – Говори – и быстро!

Женщина из мечты, женщина из древнего волшебства, для Шарейн у него был только один ответ – правда.

И Кентон рассказал ей правду, начав с появления каменного блока из Вавилона в его доме он не упускал ни одной подробности, чтобы ей стало понятней. Она слушала, не отрывая от него взгляда, она упивалась его словами – удивления сменялось на ее лице недоверием, а потом гневом, отчаянием.

– Даже место, где находился древний Урук, забыто, – закончил он. – Дом семи богов – теперь груда песка. А Вавилон, великий Вавилон, уже тысячи лет сровнен с землей!

Она вскочила на ноги – вскочила и бросилась на него, глаза ее сверкали, рыже-золотые волосы развевались.

– Лжец! – закричала она. – Лжец! Теперь я знаю – ты посланец Нергала.

В ее руке сверкнул кинжал; он успел перехватить ее руку, боролся с ней, отбросил ее на диван.

Она ослабла, почти потеряла сознание в его руках.

– Урук превратился в пыль! – всхлипывала она. – Храм Иштар – пыль! Вавилон – пустыня! И Саргон Аккадский умер шесть тысяч лет назад, ты говоришь – шесть тысяч лет! – Она задрожала, вырвалась из его объятий. – Но если это так, то кто же я? – шептала она побледневшими губами. – Кто – я? Шесть тысяч лет и больше прошло с моего рождения, а я – жива! Кто же я?

Ее охватил страх, глаза ее потускнели, она ухватилась за подушки. Он склонился к ней, она обняла его белыми руками.

– Я жива? – воскликнула она. – Я – человек? Я – женщина?

Ее мягкие губы умоляюще прижались к его губам, аромат ее волос охватил его. Она держала его, прижалась своим стройным телом в крайнем отчаянии. И он почувствовал, как сильнее бьется его сердце. И между поцелуями она шептала: «Разве я не женщина? Я не живая? Скажи мне, разве я не жива?»

Желание охватило его, он отвечал ей поцелуем на поцелуй и в то же время понимал, что не мгновенная любовь и не страсть бросили ее в его объятия.

За ее ласками стоял ужас. Она боялась – страшилась пропасти глубиной в шесть тысяч лет между ее жизнью и его. Цепляясь за него, она хотела увериться в себе. Она ухватилась за последнее оружие женщины – первичное назначение женщины – уверенность в своей женственности, в том, что ее желают.

Нет, поцелуи, обжигавшие его губы, должны были убедить не его – ее самое.

Но ему было все равно. Она была в его объятиях. Он отвечал поцелуем на поцелуй.

Она оттолкнула его, вскочила на ноги.

– Значит, я женщина? – торжествующе спросила она. – Женщина – и живая?

– Женщина! – хрипло ответил он, все его тело дрожало. – Живая! Господи, да!

Она закрыла глаза; глубоко вздохнула.

– Это правда, – воскликнула она, – и это единственная правда из всего сказанного тобою. Нет, теперь молчи, – остановила она его. – Если я женщина и жива, отсюда следует, что все сказанное тобою – ложь. Я не могу быть живой, если с того момента, как я вступила на этот корабль, прошло шесть тысяч лет и Вавилон превратился в пыль. Ты лживая собака! – закричала она и украшенной кольцами рукой ударила Кентона по губам.

Кольца глубоко врезались. Кентон упал, ошеломленный и болью, и неожиданным изменением положения, а она раскрыла внутреннюю дверь.

– Луарда! Атнал! Все!! – гневно призывала она. – Быстро! Свяжите эту собаку! Свяжите его, но не убивайте!

Из каюты вырвались семь девушек-воинов, в коротких юбках, обнаженных по пояс, в руках они держали легкие копья. Они набросились на него. И в то же время Шарейн вырвала у него из руки меч Набу.

И вот юные ароматные тела окружили его кольцом женской плотиб мягкой, но неразрывной, как сталь. На голову ему набросили синий плащ, обернули вокруг шеи. Кентон очнулся от оцепенения – очнулся с гневным ревом. Высвободился, сорвал плащ, прыгнул к Шарейн. Но гибкие тела двигались быстрее, девушки заслонили Шарейн от него. Они кололи его копьями, как матадор колет нападающего быка. Назад и назад теснили они его, рвали одежду, там и тут показалась кровь.

И сквозь эту пытку он слышал ее хохот.

– Лжец! – насмехалась она. – Лжец, трус и глупец! Орудие Нергала, посланное сюда с лживой вестью, чтобы поколебать мое мужество! Назад к Нергалу вернешься ты с другой вестью!

Девушки, опустив копья, как одна, бросились вперед. Они вцепились в него, обхватили руками и ногами, увлекли вниз. Выкрикивая проклятия, молотя кулаками, пинаясь – больше не думая, что перед ним женщины, – Кентон боролся с ними. Ногой он зацепился за перемычку двери розовой каюты. И упал, таща за собой этих диких кошек. Продолжая драться, они выкатились за дверь.

Сзади послышался крик, предупреждение Шарейн – какой-то резкий приказ державшие его руки и ноги разжались, девушки отступили.

Всхлипывая от гнева, Кентон вскочил на ноги. И увидел, что находится совсем рядом с чертой, разделяющей белую и черную палубы. Он подумал, что именно поэтому Шарейн отозвала своих фурий: они подкатились слишком близко к загадочной преграде.

Снова он услышал ее смех. Она стояла на галерее с маленькими цветущими деревьями, голуби вились над нею. В руках ее был меч Набу; она насмешливо подняла его.

– Эй, лживый посланец! – насмехалась Шарейн. – Эй, собака, побитая женщинами! Иди, возьми свой меч!

– Иду, черт тебя побери! – крикнул он и прыгнул вперед.

Корабль покачнулся. Потеряв равновесие, Кентон откинулся назад и перекатился через линию, разделяющую белую и черную палубы. Перекатился – невредимый!

Что-то в глубине его сознания отметило этот факт, отметило его чрезвычайную важность. Как бы велика ни была власть барьера, на Кентона она не распространялась. Он приготовился прыгнуть назад на белую палубу.

– Остановите его! – послышался голос Кланета.

И посередине прыжка его за плечо схватили длинные мускулистые пальцы, повернули. Он смотрел в лицо барабанщика. Когти барабанщика подняли его и, как щенка, швырнули назад.

Тяжело дыша, как рассерженный щенок, Кентон с трудом удержался на ногах. Вокруг него смыкалось кольцо людей в черной одежде, с смертельно-бледными, невыразительными

лицами, с сжатыми кулаками. За этим кольцом стоял воин с красной бородой и бледными агатовыми глазами; а рядом с ним Черный жрец.

Но Кентон не обратил на них внимания. Он ринулся вперед. Черные одеяния сомкнулись над ним, охватили его, прижали к палубе.

Корабль снова качнулся, на этот раз сильнее. Кентон, сбитый с ног, скользнул в сторону. И его накрыло волной. Руки, державшие его, разжались. Другая волна подняла его и погрузила в воду. Он погрузился глубоко; отчаянно устремился к поверхности; вытер с глаз воду и искал корабль.

Ревел ветер. Подгоняемый ветром, корабль быстро удалялся – он был уже в ста ярдах. Кентон закричал, поплыл к нему. Парус спустили, весла ожили, стремясь удержать корабль против ветра. Но корабль продолжал удаляться все быстрее и быстрее.

Он затерялся в серебристом тумане.

Кентон перестал бороться; плыл, затерянный в неведомом мире.

Его ударило волной; он вынырнул, давясь водой. Морская пена хлестала его. Он услышал гром прибоя, свист волн, разбиваемых скалами. Его подхватила другая волна. Борясь на ее вершине, он увидел прямо перед собой желтый утес, поднимающийся из груды огромных камней, на которые с ревом накатывались волны, брызгая фонтанами пены.

Огромная волна подняла его бросила на желтый столб.

Толчок оказался не сильнее, чем прикосновение к паутине. Несколько мгновений ему казалось, что он несется сквозь мягкую густую тьму. И с ним несется рев ураганов. Неожиданно движение прекратилось, шум ураганов стих.

Он лежал навзничь, пальцы его сжимали какую-то жесткую ткань, которая упрямо рвалась из рук. Он перекатился, вытянул руки, одна из них коснулась холодного полированного дерева. Он сел...

Он снова был в своей комнате!

Кентон с трудом встал и, ошеломленный, стоял, покачиваясь. Что это за темное пятно у его ног? Вода – вода, капающая с него, странного цвета – чуть красноватая.

Он понял, что вся его одежда промокла. Лизнул губы – соленые. Одежда его изорвана, с нее капает соленая вода.

А из десятка ран течет кровь и смешивается с водой.

Он, спотыкаясь, двинулся к игрушечному кораблю. На черной палубе несколько кукол, наклонились через борт, смотрят в воду.

На галерее над розовой каютой крошечная фигурка...

Шарейн!

Он коснулся ее – алмазно твердая, алмазно холодная, игрушка!

И все же – Шарейн!

Его сотрясла вернувшаяся волна безумного гнева. Слыша ее смех, Кентон бранился, искал, чем бы ударить по кораблю, разбить его на куски. Никогда больше Шарейн не будет смеяться над ним!

Он схватил за ножку тяжелый стул, поднял его над головой и на мгновение задержал, прежде чем обрушить на корабль...

И вдруг ощутил на губах медовый вкус ее поцелуев – поцелуев Шарейн!

Стул выпал из его рук.

– Иштар! Набу! – прошептал он и упал на колени. – Отправьте меня назад на корабль! Иштар! Делай со мной что хочешь – только верни на свой корабль!

7. РАБ НА КОРАБЛЕ

Ответ пришел быстро. Кентон услышал далекий рев прибоя, постоянно бьющего о скалистый берег. Рев становился громче.

С грохотом волн передняя стена его комнаты исчезла. Там, где была стена, возвышалась вершина огромной волны. Волна перекатилась через Кентона, подняла его, унесла далеко; и выбросила, хватаящего воздух.

Он плыл по поверхности бирюзового моря.

Корабль находился близко. Близко! Его закругленный нос пронесся рядом с головой Кентона, пролетел мимо. Золотая цепь свисала с него, рассекая вершины волн. Кентон попытался ухватиться за нее – и промахнулся.

Он упал в воду. Мимо него быстро двигался сверкающий корпус корабля. Он снова поднялся над водой. С корпуса свисала другая цепь – черная цепь свисала с кормы, рассекая волны.

Он ухватился за цепь. Море цепляло его за ноги. Он крепко держался. Перехватываясь руками, осторожно подтянулся. Теперь он находился на уровне фальшборта. Медленно поднял голову и заглянул на палубу.

К нему протянулись длинные руки, схватили за плечи, подняли, швырнули на палубу, прижали к ней. Вокруг ног обвился ремень, руки были прижаты к бокам.

Он смотрел в лицо с лягушечьим ртом – лицо барабанщика. А из-за широченных плеч барабанщика виднелось белое лицо Кланета. Послышался его голос:

– Неси его, Джиджи.

Барабанщик поднял его легко, как ребенка, и в своих огромных руках пронес в черную каюту.

Тут он поставил его на ноги и с любопытством оглядел. С таким же любопытством его разглядывали агатовые глаза краснобородого воина и бледные глаза Кланета.

Кентон в свою очередь разглядывал этих троих. Сначала черный жрец – массивный, со слоновьими мускулами бледная кожа, словно кровь в нем течет слишком глубоко, чтобы оживить плоть; лицо Нерона, вылепленное из холодной глины онемевшими пальцами.

Затем Джиджи – барабанщик. Лягушечье лицо с заостренными ушами; короткие согнутые ноги; тело гиганта в верхней половине; огромные плечи, с которых свисают длинные мускулистые обезьяньи руки, силу которых испытал на себе Кентон; в углах рта смех. Что-то в нем от древних богов земли, что-то от Пана.

Рыжебородый – перс из того времени, когда орды персов были для всего мира тем же, чем позже стали легионы Рима. Так рассудил Кентон по короткой кольчуге, по ногам в шелке, по высоким ботинкам со шнуровкой по изогнутым кинжалам и ятагану на украшенном драгоценностями поясе. Человек, как и сам Кентон. Ни кладбищенского запаха Кланета, ни гротескности Джиджи. Полные красные губы над тщательно подстриженной бородой чувственные, полные любви к жизни; тело плотное и мускулистое; лицо блее, чем лицо Кентона. Но лицо унылое, на нем глубоко отпечатались тоска, скука, так что даже любопытство, вызванное появлением Кентона, не изменило его тоскливого выражения.

Перед ним находилась широкая плита из красного железняка. Перед ней склонились шесть жрецов, поклоняясь чему-то, стоящему в нише над плитой. Что это было, он не мог сказать, – но это что-то дышало злом. Немного больше человека, это что-то в нише было черным и бесформенным, как будто сделано из свернувшихся теней. Оно дрожало, пульсировало – как будто тени, из которых оно состояло, постепенно сгущались вокруг него, проникали внутрь и сменялись другими.

Мрачной была эта каюта, стены сумрачные, из тусклого черного мрамора. Другие тени цеплялись за темные стены, сгущались в углах. Казалось, они только ждут приказа, чтобы сгуститься еще больше.

Нечестивые тени – подобные тем, что собрались в нише.

В глубине, как и в каюте Шарейн, находилось другое помещение, у входа в него толпились с десяток жрецов в черной одежде с бледными лицами.

– Возвращайтесь на место, – обратился к ним Кланет, нарушив молчание. Они выскользнули из каюты. Черный жрец закрыл за ними дверь. Он коснулся ближайшего из стоявших на коленях жрецов.

– Вы достаточно восхваляли нашего повелителя Нергала, – сказал он. – Смотрите – он проглотил ваши молитвы.

Кентон посмотрел на существо в нише. Оно больше не было туманным. Теперь оно вырисовывалось ясно и четко. У него было тело человека а на лице виднелось то же злобное выражение, которое Кентон видел на лице черного жреца во время первого своего приключения.

Лицо Нергала – повелителя смерти!

А что же за свернувшиеся дрожащие тени обволакивали статую?

Он чувствовал, что Кланет украдкой изучает его. Трюк! Трюк, чтобы испугать его! Он спокойно встретил взгляд жреца, улыбнулся.

Перс рассмеялся.

– Эй, Кланет, – сказал он. – Твоя стрела пролетела мимо. Может, этот незнакомец видел такие вещи раньше. Может, он сам колдун и может делать кое-что похлеще. Измени игру, Кланет.

Он зевнул и уселся на низком стуле. Лицо черного жреца стало еще мрачнее.

– Лучше помолчи, Зубран, – ответил он. – Иначе Нергал изменит свою игру с тобой и навсегда уничтожит твоё неверие.

– Неверие? – повторил перс. – О, Нергал вполне реален. Не неверие раздражает меня, а вечное однообразие. Неужели ты не можешь сделать что-нибудь новое, Кланет? Может ли Нергал сделать что-нибудь новое? Изменить игру со мной, а? Клянусь Ариманом, именно этого я и жду от него, если он, конечно, может.

Он снова нарочито зевнул. Черный жрец что-то проворчал, повернулся к шести помощникам.

– Идите, – приказал он, – и пришлите ко мне Зачеля.

Они гуськом вышли через внешнюю дверь. Черный жрец опустил на другой стул, изучая Кентона; барабанщик сидел на корточках, тоже глядя на него; перс что-то бормотал про себя играя рукоятью кинжала. Дверь раскрылась, и в ней появился жрец, в одной руке он держал длинный хлыст, чей змеинный конец, увенчанный металлом, был много раз свернут вокруг его руки. Он поклонился Кланету.

Кентон узнал его. Когда он лежал на палубе у мачты, он видел этого человека: тот сидел на высокой платформе у основания мачты. Надсмотрщик рабов галеры, гребцов, был Зачель, а длинный хлыст был рассчитан на то, чтобы достать до любого раба, хоть немного замешкавшегося.

– Этого ли человека ты видел на палубе несколько снов назад? – спросил Кланет. – Он лежал на палубе и, как ты рассказывал, исчез в тот момент, когда шлюха Иштар вон оттуда склонилась к нему.

– Он самый, господин, – ответил надсмотрщик, подходя ближе к Кентону и рассматривая его.

– Куда же он тогда исчез? – спросил Кланет скорее самого себя. – В каюту Шарейн? Но если так – почему она выгнала его, а ее кошки вцепились в него когтями? А откуда меч, которым она размахивала и звала его вернуться за мечом? Я знаю этот меч...

– Он не ушел тогда в каюту, хозяин, – прервал его Зачель. – Я видел, как она его искала. Она вернулась в кабину одна. Он исчез.

– И его прогнали два сна назад, – продолжал размышлять Кланет. – Корабль с тех пор непрерывно двигался. Мы видели, как он боролся с волнами далеко позади нас. Но вот он снова на корабле – и раны его совсем свежие, все еще кровоточат, будто нанесены несколько мгновений назад. И как он прошел барьер? Да... как он прошел барьер?

– Наконец-то ты задал настоящий вопрос, – воскликнул перс. – Пусть он мне только расскажет это, и, клянусь девятью кругами ада, недолго я буду твоим товарищем, Кланет.

Кентон заметил, как барабанщик украдкой сделал предупреждающий жест персу, увидел, как сузились глаза черного жреца.

– Ха-ха! – рассмеялся Джиджи. – Зубран шутит. Жизнь там так же утомительна, как и нас. Не правда ли, Зубран?

И снова предупреждающий знак. Перс заметил его.

– Да, думаю, это так, – неохотно ответил он. – Во всяком случае – разве я не принес обет Нергалу? Тем не менее, – пробормотал он, – боги даровали женщине одно умение, которое не наскучило мужчинам с того дня, как создан мир.

– Они забывают это умение в жилище Нергала, – мрачно сказал жрец. – Помни это и придержи свой язык, иначе окажешься в худшем месте, чем это – тут тебе по крайней мере сохранили тело.

– Могу я сказать, господин? – спросил Зачель и Кентон почувствовал угрозу в брошенном на него взгляде надсмотрщика.

Черный жрец кивнул.

– Я думаю, он миновал барьер, потому что ничего не знает о нашем повелителе, – сказал Зачель. – Он, может быть, даже враг нашего повелителя. А если нет – как он смог сбросить с себя руки жрецов, исчезнуть в море... и снова появиться?

– Враг Нергала! – пробормотал Кланет.

– Но отсюда не следует, что он друг Иштар, – спокойно вмешался барабанщик. – Конечно, если бы он присягнул Темному повелителю, он не смог бы пересечь барьер. Но правда и то, что присяга Иштар так же помешала бы ему сделать это.

– Верно! – лицо Кланета прояснилось. – И я знаю этот меч – это меч самого Набу.

Он помолчал, задумался. А когда заговорил, его низкий голос звучал вежливо.

– Незнакомец, – сказал он, – если мы были грубы с тобой, прости нас. Посетители на этом корабле – большая редкость. Ты, как бы это сказать, застал нас врасплох и заставил забыть о манерах. Зачель, развяжи его.

Зачель наклонился и угрюмо снял с ног Кентона ремень.

– Если, как я думаю, ты пришел от Набу, – продолжал черный жрец, – говорю тебе, что я не ссорюсь с Мудрейшим и его людьми. И мой хозяин повелитель смерти равен повелителю мудрости. Как может быть иначе, если один держит ключи знаний этой жизни, а другой – ключи, раскрывающие двери к абсолютному знанию? Нет, никакой вражды здесь нет. Ты приближенный Набу? Он послал тебя на корабль? И – зачем?

Кентон молчал, напряженно размышляя в поисках ответа. Он знал, что оттягивать ответ, как с Шарейн, нельзя. Бесполезно и рассказать всю правду, как он рассказал ей – и был изгнан, как преследуемая крыса. Здесь его ждет опасность, большая, чем в розовой каюте. Его мысли прервал голос Кланета:

– Но хоть ты и посланец Набу, похоже, он не смог помешать тебе потерять его меч, не спас от копий женщин Иштар. И если это так, спасет ли он тебя от моего хлыста, от моих цепей?

И поскольку Кентон продолжал молчать, волчий огонь загорелся в мертвых зрачках и черный жрец с криком вскочил на ноги:

– Отвечай мне!

– Отвечай Кланету! – крикнул Джиджи. – Иди страх перед ним отнял у тебя язык?

Под внешним гневом в голосе барабанщика звучало предупреждение, дружелюбие.

– Если Набу и мог спасти меня, он этого не сделал – угрюмо сказал Кентон.

Черный жрец с усмешкой снова сел.

– И не спасет, если я приговорю тебя к смерти, – сказал он.

– Смерть – если он приговорит к ней, – прохрипел Джиджи.

– Кем бы ты ни был и откуда бы ни явился, – продолжал черный жрец, – одно кажется мне верным. Ты можешь порвать цепь, которая раздражает меня. Нет, Зачель, останься, – сказал он, заметив, что надсмотрщик сделал движение к выходу. – Твой совет ценен. Останься!

– Умер один из рабов на веслах, – сказал надсмотрщик. – Я хочу снять с него цепи и выбросить за борт.

– Умер? – в голосе Кланета прозвучала заинтересованность. – Который? И как он умер?

– Кто знает? – Зачель пожал плечами. – От усталости, может быть. Он один из тех, кто отплыл с нами с самого начала. Он сидел рядом с желтоволосым рабом с севера которого мы купили в Эмактиле.

– Да, он прослужил долго, – сказал черный жрец. – Его забрал Нергал. Пусть его тело еще немного поносит цепи. Оставайся со мной.

И он снова обратился к Кентону, неторопливо, непререкаемо:

– Предлагаю тебе свободу. Ты получишь почести и богатство в Эмактиле, куда мы поплывем, как только ты выполнишь мою просьбу. Станешь главным жрецом в храме, если захочешь. Золото, женщины, звания – все твое, если сделаешь то, что я велю.

– Что же я должен сделать, чтобы заслужить все это? – спросил Кентон.

Черный жрец встал и склонил голову так, чтобы смотреть прямо в глаза Кентону.

– Убей Шарейн! – сказал он.

– Мало разума в этом, Кланет, – насмешливо сказал перс. – Разве ты не видел, как его пбили ее девушки? Все равно что послать на схватку с львицей человека, побежденного львятами.

– Нет, – сказал Кланет, – я вовсе не имел в виду, что он открыто пересечет палубу, чтобы его все могли видеть. Он может перебраться за борт – и продвигаться от цепи к цепи, с выступа на выступ. В задней стене каюты, где она спит, есть окно. Он может пробраться сквозь него.

– Лучше пусть принесет клятву Нергалу, господин, прежде чем отправиться в дорогу, – прервал Зачель. – Иначе мы его больше не увидим.

– Дурак! – заявил Джиджи. – Если он принесет клятву Нергалу, он вообще ничего не сможет сделать. Откуда мы знаем, что тогда барьер не закроется для него, как он закрыт для всех, поклявшихся Темному повелителю и Иштар?

– Верно, – кивнул черный жрец. – Мы не можем рисковать. Хорошо сказано, Джиджи.

– А почему Шарейн должна быть убита? – спросил Кентон. – Позволь мне сделать ее рабыней, чтобы я мог отплатить за насмешки и удары. Отдай ее мне – и оставь у себя все обещанные богатства и почести.

– Нет! – Черный жрец склонился ближе, внимательно глядя ему в глаза. – Она должна быть убита. Пока она жива, у богини есть сосуд, в который она может вливаться. Шарейн

мертва – и на этом корабле нет никого, через кого проявила бы себя Иштар. Я, Кланет, знаю это. Шарейн мертва, Нергал правит – через меня! Нергал выигрывает – благодаря мне!

У Кентона выработался план. Он пообещает сделать это – убить Шарейн. Он проберется в ее каюту, расскажет о заговоре черного жреца. Каким-нибудь образом заставит ее поверить ему.

Слишком поздно понял он по лицу Кланета, что черный жрец уловил его мысли. Слишком поздно вспомнил, что зоркие глаза надсмотрщика не отрываются от него, не упускают ни тени выражения.

– Смотри, господин! – проворчал Зачель. – Смотри! Разве ты не читаешь его мысли, как я? Ему нельзя доверять. Ты призвал меня сюда для совета и назвал мой совет ценным – позволь высказать, что у меня на уме. Я думал, что этот человек у мачты исчез, как я и говорил тебе. Но так ли это? Боги приходят на корабль и уходят с него, как хотят. Но не человек. Нам кажется, мы видели, как он борется с волнами позади корабля. Но так ли это? Колдовством он мог заставить нас видеть то, чего в действительности не было. Он был все это время на корабле, прятался в каюте Шарейн. Мы видели, как он вышел из ее каюты...

– Но его выгнали оттуда женщины, Зачель, – прервал барабанщик. – Выбросили. Избили. Вспомни это. Там нет дружбы, Кланет. Они рвались к его горлу, как псы к горлу оленя.

– Игра! – воскликнул Зачель. – Игра, чтобы обмануть тебя, господин. Они могли убить его. Почему не убили? Его раны – булавочные уколы. Они гнали его, но куда? Сюда, к нам! Шарейн знала, что он может пересечь барьер. Послала ли бы она нам такой подарок, если бы у нее не было цели? А какая цель у нее может быть, господин? Только одна. Поместить его сюда, чтобы убить тебя... точно так, как ты хочешь послать его, чтобы убить ее!

Он сильный человек – и позволил девушкам побить себя! У него был меч, священное острое оружие – и он позволил женщинам отобрать его. Ха-ха! – рассмеялся Зачель. – Ты веришь в это, господин? Я – нет!

– Клянусь Нергалом. – Кланет встал, разгневанный. – Клянусь Нергалом...

Он схватил Кентона за плечи, швырнул через дверь каюты на палубу. И быстро вышел за ним.

– Шарейн! – взревел он. – Шарейн!

Кентон поднял голову, увидел Шарейн у дверей ее каюты; она обнимала руками талии двух стройных девушек.

– Нергал и Иштар заняты, – насмеялся черный жрец. – Жизнь на корабле стала скучной. У меня под ногами раб. Лживый раб. Ты его знаешь, Шарейн?

Он наклонился и высоко поднял Кентона, как мужчина ребенка. Ее лицо, холодное, презрительное, не изменилось.

– Он ничто для меня... червь, – ответила она.

– Ничто для тебя? – ревел Кланет. – Но по твоей воле он пришел ко мне. У него лживый язык, Шарейн. По старому закону раб должен быть наказан за это. Я выставлю против него четверых моих людей. Если он победит их, я сохраню ему жизнь... на некоторое время... чтобы он и дальше развлекал нас. Но если победят они... у него вырвут его лживый язык. Я пришлю его тебе в знак моей любви, о священный сосуд Иштар!

– Ха-ха! – рассмеялся черный жрец, видя, как побледнела Шарейн. – Испытание твоего колдовства, Шарейн. Заставь этот язык говорить. Заставь его... – хриплый голос замурлыкал... – заставь его говорить тебе о любви. О том, как ты прекрасна, Шарейн. Как удивительна, как сладка, Шарейн! Немного упрекать тебя, может быть, за то, что ты позволила его вырвать!

– Хо-хо! – хохотал Кланет. Потом, как бы выплевывая: – Ты, храмовая шлюха!

Он сунул в руки Кентону легкий хлыст.

– Сражайся, раб, – рявкнул он, – дерись за свой лживый язык!

Вперед прыгнули четверо жрецов, вытягивая из-под одежды ремни, окованные металлом. Они окружили его и, прежде чем Кентон собрался с силами, набросились. Прыгнули, как четыре тощих волка, стегали его своими ремнями. Удары падали ему на голову, на обнаженные плечи. Он пытался отразить удары, вернуть их. Металл ремней глубоко врезался в тело. С плеч, груди, со спины потекла кровь.

Ремень попал ему в лицо, на какое-то время ослепив.

Он услышал издали золотой голос Шарейн, полный презрения:

– Раб – ты даже бороться не можешь!

Изымая проклятия, он отбросил ненужный хлыст. Прямо перед собой увидел улыбающееся лицо жреца, который ударил его. Прежде чем жрец смог снова поднять ремень, кулак Кентона ударил его прямо в ухмыляющийся рот. Кентон почувствовал, как под костяшками его пальцев хрустнули кости носа, посыпались зубы. Жрец отшатнулся, упал и покатился к борту.

И сразу оставшиеся трое набросились на него, пытались схватить за горло, рвали ногтями, хотели сбить с ног. Он высвободился. На мгновение трое отступили, потом набросились вновь. Один оказался немного впереди остальных. Кентон схватил его за руку, завел эту руку за плечо, подставил бедро, напрягся и швырнул жреца по воздуху на остальных. Голова жреца ударилась о палубу, послышался треск, как от лопнувшего сухожилия. Мгновение тело стояло на голове, касаясь палубы плечами, ноги извивались в гротескном полубороте. Затем упало и лежало неподвижно.

– Хороший бросок! – услышал Кентон голос перса.

Длинные пальцы схватили его за ноги, ноги его потянуло в сторону. Падая, он увидел перед собой лицо – вернее, красное пятно на месте лица; лицо первого жреца, которого он ударил. Кентон вытянул руки. В глотку ему вцепились когти. В мозгу Кентона вспыхнула ужасная картина, которую он видел в другой неравной схватке на поле битвы во Франции. Вверх взметнулась его правая рука с вытянутыми двумя пальцами. Они попали в глаза душителя. Кентон безжалостно нажал. И услышал крик боли, слезы и кровь струились по его рукам, душившие пальцы разжались. На месте глаз были теперь две пустых красных глазницы, из которых торчали какие-то утолщения.

Кентон вскочил на ноги. Наступил на красное лицо, наступил раз, два, три – и пальцы, державшие его за ноги, разжались.

Он мельком заметил бледное лицо Шарейн с широко раскрытыми глазами; понял, что черный жрец больше не смеется.

На него устремился четвертый жрец, сжимая в руке нож с широким лезвием. Кентон наклонил голову и бросился навстречу. Схватил руку, державшую нож, дернул ее назад, услышал, как щелкнула кость. Четвертый жрец закричал и упал.

Кентон увидел Кланета, смотревшего на него, раскрыв рот.

Прямо к горлу черного жреца он прыгнул, подняв кулак. Но жрец вытянул руку, схватил его в прыжке, поднял высоко над головой и приготовился ударить о палубу.

Кентон закрыл глаза – это конец.

Он услышал настойчивый голос перса:

– Эй, Кланет, эй! Не убивай его! Ради Исхака из девяти адов – не убивай его! Кланет! Сохрани его для будущих схваток!

Потом барабанщик:

– Нет, Кланет, нет! – Он чувствовал, как его перехватили когти Джиджи, держали его крепко. – Нет, Кланет! Он сражался честно и храбро. Хорошо его сохранить на будущее. Может, он изменит свои намерения – научится повиновению. Помни, Кланет, он может пересекать барьер.

Огромное тело жреца задрожало. Медленно руки его начали опускать Кентона.

– Повиновение? Ха! – послышался резкий голос надсмотрщика. – Дай мне его, господин, на место раба, умершего у весла. Я научу его... повиновению.

Черный жрец опустил Кентона на палубу. Постоял над ним. Потом кивнул, повернулся и ушел в каюту. Кентон, охваченный реакцией, съежился, сжал руки в коленях.

– Сними цепи с мертвого раба и выбрось его за борт, Зачель, – услышал он голос Джиджи. – Я последую за ним, пока ты не вернешься.

Кентон слышал, как ушел надсмотрщик. Барабанщик склонился над ним.

– Ты хорошо сражался, волчонок, – прошептал он. – Хорошо сражался! Теперь в цепи. Повинуйся. Придет и твоя возможность. Слушайся меня, волчонок, и я сделаю, что могу.

Он отошел. Кентон, удивленный, поднял голову. Увидел, как барабанщик нагнулся поднял тело жреца со сломанной шеей и одним движением длинной руки бросил его за борт. Наклонившись опять, выбросил тело того, на чье лицо наступил Кентон. Остановился в раздумье перед кричащим ужасом с пустыми глазницами, извивающимся на палубе. Потом, весело улыбнувшись, схватил его за ноги и тоже перебросил через борт.

– Потом будет на трех меньше беспокойства, – пробормотал Джиджи.

Кентона охватила дрожь, зубы его застучали, он всхлипнул. Барабанщик удивленно взглянул на него.

– Ты храбро сражался, волчонок, – сказал он. – Почему же ты дрожишь, как побитый пес, у которого отобрали кость?

Он положил руки на окровавленные плечи Кентона. При этом прикосновении Кентон перестал дрожать. Как будто через руки Джиджи вливался поток силы, которую пила его душа. Как будто он наткнулся на древний источник, на древний бассейн равнодушия к жизни и смерти.

– Хорошо! – сказал Джиджи и встал. – За тобой идет Зачель.

Надсмотрщик стоял рядом, он коснулся плеча Кентона, указал вниз, на лестницу, ведущую с черной палубы в гребную яму. Кентон спустился в полутьму ямы, Зачель – за ним. Кентон, спотыкаясь пошел по узкому проходу, был остановлен у большого весла, на котором лежала голова человека с мускулистыми плечами и длинными, как у женщины, светлыми волосами. Гребец с золотыми волосами спал. Вокруг его талии шло толстое железное кольцо. Сквозь это кольцо была продета цепь, ее конец крепился к скобе, глубоко вбитой в скамью, на которой сидел гребец. На запястьях его были наручники. Такие же кольца – на весле. Кольца и наручники соединяла еще одна цепь.

Слева от спящего было пустое металлическое кольцо, на весле – пара пустых колец, с которых свисала цепь с наручниками.

Зачель подтолкнул Кентона к этому месту рядом со спящим. Надел ему на пояс кольцо, защелкнул его, закрыл на замок.

Сунул руки не сопротивлявшегося Кентона в наручники, защелкнул и их и тоже закрыл на замок.

И тут Кентон почувствовал на себе чей-то взгляд. Смотрели сзади. Он увидел наклонившееся над перилами лицо Шарейн. В глазах ее была жалость и еще какое-то чувство, от которого сердце Кентона забилося.

– Я научу тебя повиновению – не сомневайся! – сказал Зачель.

Кентон снова оглянулся.

Шарейн ушла.

Он склонился к веслу рядом со спящим гигантом.

Склонился к веслу...

Прикован к нему.

Раб на корабле!

8. РАССКАЗ СИГУРДА

Кентон проснулся от резкого звука свистка. Плечо его обожгло как горячим железом. Он рывком поднял голову, лежавшую на руках; тупо посмотрел на наручники на запястьях. Опять обожгло плечи, впилося в тело.

– Вставай, раб! – услышал он рычание – он знал этот голос и пытался осознать свое окружение. – Вставай! За весла!

Другой голос, рядом, прошептал хрипло, но с теплым чувством товарищества:

– Поднимайся, иначе кнут напишет на твоей спине кровавые руны.

Кентон с трудом распрямился, руки его механически легли в два гладких полированных углубления на деревянном стволе, к которому он был прикован. Стоя на скамье, он увидел спокойный бирюзовый океан, небольшие волны в огромном перевернутом кубке из серебристого тумана. Перед ним находились четыре человека, два стояли, два сидели у больших весел, подобных тому, за которое держался он; весла проходили сквозь борт судна. За ними видна была черная палуба...

Память вернулась к нему, уничтожив остатки сна. Первый голос принадлежал Зачелю, а прикосновение к плечу – удар бича надсмотрщика. Кентон повернул голову. Еще с десятков мужчин, черных и коричневых, сидели и стояли у других больших весел, сгибаясь и разгибаясь, двигая корабль Иштар по спокойному лазурному морю. И на платформе у мачты стоял Зачель, насмешливо улыбаясь. Кентона снова ударил длинный бич.

– Не оглядывайся! Гребь! – рявкнул Зачель.

– Я буду гребсти, – прошептал второй голос. – Стой и качайся вместе с веслом, пока к тебе не вернется сила.

Кентон взглянул на светловолосую голову; волосы длинные, будто женские. Но ничего женского в этом поднятом на мгновение ему навстречу лице не было. Ледяной холод и ледяная синева были в глазах, как будто чуть подтаявших от теплого дружеского чувства. Кожа, закаленная бурями, окрашенная ураганами. Ничего женского и в больших мышцах плеч, спины и рук, которые вздымали огромное весло легко, как женщина метлу.

Северянин до кончика пальцев; викинг из древней саги и, подобно Кентону, раб на корабле; гигант, спавший на весле, когда Кентона приковывали к месту.

– Я Сигурд, сын Тригга, – пробормотал северянин – Какие злые норны привели тебя на корабль колдунов? Говори тихо, наклонись к веслу – у дьявола с хлыстом острый слух.

В такт движениям весла Кентон наклонялся и выпрямлялся, стоя на скамье. Оцепенение, охватившее его мозг, проходило и тем быстрее, чем быстрее мышцы, державшие весло, разгоняли кровь по телу. Сосед одобрительно крикнул.

– Ты не слабый человек, – прошептал он. – Весла утомляют, но по ним из моря идет сила. Однако пей эту силу неторопливо. Становись сильнее – медленно. А потом, может быть, мы с тобой...

Он замолчал, искоса бросил осторожный взгляд на Кентона.

– По внешности ты Эйрна, с южных островов, – прошептал он. – Я не таю злобу на людей Эйрна. Они всегда отвечают нам мечом на меч, встречают грудь к груди. Многими ударами мы обменялись, и крылатые валькирии никогда не возвращаются в Валгаллу с пустыми руками, когда мы встречаемся с людьми Эйрна. Храбрые люди, сильные люди, люди, которые умирают с криком, целуя лезвие меча и острие копья весело, как невесту. Ты один из них?

Кентон быстро соображал. Он должен так ответить, чтобы подкрепить дружбу, ясно предложенную ему. Ни откровения полной правды, ни уклончивого ответа, вызывающего подозрение.

– Меня зовут Кентон, – негромко ответил он. – Мои предки из Эйрна. Они хорошо знают викингов и их корабли – и мне не передали никакой злобы к ним. Я буду твоим другом, Сигурд, сын Тригга, все время, пока мы будем вместе. И мы с тобой... вместе...

Он многозначительно замолчал, как перед этим викинг. Северянин кивнул, затем снова взглянул искоса.

– Как выпала тебе эта злая судьба? – спросил он по-прежнему шепотом. – С тех пор как меня привели на корабль на острове волшебников, мы не заходили в гавань. И тебя здесь не было, когда меня приковали к веслу.

– Сигурд, клянусь всеобщим отцом Одним, не знаю! – руки северянина вздрогнули при имени его бога. – Невидимая рука выхватила меня из моего мира и перенесла сюда. Сын Гелы, главный на черной палубе, предложил мне свободу – если я совершу постыдный поступок. Я отказался. Я сразился с его людьми. Убил троих. И тогда меня приковали к веслу.

– Ты убил троих! – Викинг смотрел на Кентона сверкающими глазами, оскалив зубы. – Убил троих! Твое здоровье! Товарищ! Твое здоровье!

Что-то, похожее на летающую змею, свистнуло рядом с Кентоном; свистнуло и ударило северянина по спине. Кровь брызнула с этого места. Хлыст ударил еще и еще.

Сквозь свист бича слышалось рычание Зачеля:

– Собака! Отродье свиньи! Ты сошел с ума? Убить тебя?

Под ударами хлыста Сигурд, сын Тригга, задрожал. Он посмотрел на Кентона, на губах его появилась кровавая пена. И Кентон вдруг понял, что это не от боли ударов – от стыда и гнева, что удары вызывают кровотечение из сердца, могут разорвать его.

И Кентон, откинувшись, заслонил собою окровавленную спину, принял удары на себя.

– Ха! – закричал Зачель. – Ты тоже хочешь? Ты ревнуешь к поцелуям моего кнута? Что ж – получи их сполна!

Хлыст безжалостно свистнул и ударил, свистнул и ударил. Кентон стоически переносил побои; ни на мгновение не отодвинул он своего ставшего щитом тела; и при каждом ударе думал, как он ответит на них, когда придет время...

Когда он овладеет кораблем!

– Остановись! – Сквозь натянутые болью глаза он увидел наклонившегося через перила барабанщика. – Ты хочешь убить раба? Клянусь Нергалом, если ты сделаешь это, я попрошу у Кланета разрешения приковать тебя на его место!

Потом мрачный голос Зачеля: "Греби, раб!"

Молча, почти теряя сознание, Кентон склонился к веслу. Северянин взял его за руку, сжал его в железном захвате.

– Я Сигурд, сын Тригга! Внук Ярла! Хозяин драккаров! – голос его звучал негромко, но в нем был отзвук скрецающих мечей; он говорил, закрыв глаза, будто стоял перед алтарем. – Теперь между нами кровное братство, Кентон из Эйрна! Мы с тобой – кровные братья. Клянусь кровавыми рунами на твоей спине, которую ты подставил вместо моей. Я буду твоим щитом, как ты был моим. Наши мечи всегда будут заодно. Твои друзья – мои друзья, твои враги – мои враги И моя жизнь – твоя, если понадобится! Клянусь всеобщим отцом Одним и всеми асами – я, Сигурд, сын Тригга! И если я нарушу эту клятву, пусть жалят меня ядовитые змеи Гелы, пока не увянет Ягдразил, древо жизни, и не наступит Раг-нарек – ночь богов!

На сердце у Кентона стало тепло.

Пожатие северянина стало еще сильнее. Затем он разжал руку и склонился к веслу. Ничего больше не было сказано, но Кентон знал – клятва скреплена.

Щелкнул бич надсмотрщика, просвистел резкий свисток. Четыре передних гребца высоко подняли весла и положили их в ниши. Викинг поднял свое весло и положил в такое же углубление.

– Садись, – сказал он. – Сейчас нас вымоют и накормят.

Тут на них полилась вода. Прошли два коричневых человека, обнаженные по пояс, со спинами, покрытыми шрамами. В руках они держали ведра. Подняли их и опрокинули на следующих двух гребцов. Потом повернулись и ушли по узкому проходу между скамьями. Тела у них были мощные. Лица как будто с древней ассирийской фрески, узкие, с крючковатыми носами, с полными губами. На этих лицах не было признаков разума. Глаза у них были пустые.

Пара вернулась с другими ведрами, воду вылили на пол и чисто вымыли его. Тогда два других раба поставили на скамью между Кентоном и северянином грубую тарелку и чашку. На тарелке лежал десяток длинных стручков и груды круглых лепешек, напоминающих хлеб из маниоки, который в тропиках пекут на солнце. Чашка полна была темной густой жидкостью, пурпурно-красной.

Кентон пожевал стручки. Они были мясистые, и вкусом напоминали мясо. Круглый лепешки имели вкус того, что они напоминали, – хлеба из маниоки. Жидкость оказалась крепкой, ароматной, со вкусом брожения. В этой еде и питье была сила. Северянин улыбнулся ему.

– Теперь хлыста нет, можно говорить, только негромко, – сказал он. – Таково правило. Поэтому, пока мы едим и пьем, задавай вопросы без страха, кровный брат.

– Прежде всего я хотел бы узнать две вещи из многих, – ответил Кентон. – Как ты попал на корабль, Сигурд? И откуда приходит эта пища?

– Пища из разных мест, – ответил викинг. – Это корабль колдунов, к тому же проклятый. Он нигде не может надолго останавливаться, и нигде его не ждут. Да, даже в Эмактиле, которая полна колдунами. Когда корабль приходит в гавань, на него несут пищу и такелаж быстро и со страхом. Все это быстро грузят на корабль и отплывают, чтобы владеющие им демоны не рассердились и не уничтожили их. У них сильное колдовство – у этого бледного сына Гелы и у женщины на белой палубе. Иногда она мне кажется дочерью Локи, которого Один заковал в цепи за его злобность. А иногда я считаю ее дочерью Фрей, матери богов. Но кто бы она ни была, она прекрасна и у нее великая душа. У меня к ней нет ненависти.

Он поднес чашку к губам.

– Как я появился здесь, – продолжал он, – это долгая история. Я плыл на юг во флоте Рагнара Красное Копье. Мы выплыли на двенадцати больших драккарах. И плыли на юг через множество морей, грабя по пути. Потом из оставшихся десяти драккаров шесть приплыли в город в земле египтян. Очень большой город и полон храмов богов со всего мира – кроме наших.

Нас рассердило, что среди этих храмов нет храма всеобщего отца Одина. Мы разгневались. И вот однажды вечером, когда мы выпили много крепкого египетского вина, мы вшестером решили захватить храм, выбросить оттуда его бога и отдать его Одину.

Мы пришли к храму и вошли в него. Это был темный храм, полный черных одежд, как эти, на корабле. Когда мы объяснили им, что собираемся делать, они зажужжали, как пчелы, и бросились на нас волчьей стаей. Мы тогда многих убили. И захватили бы храм для Одина, воюя вшестером в кольце врагов, но тут – затрубил рог.

– Он призывал помощь? – спросил Кентон.

– Вовсе нет, кровный брат, – ответил Сигурд. – Это был колдовской рог. Рог сна. Он навел на нас сон, как ветер бросает брызги пены на паруса. Он превратил наши кости в воду, наши красные мечи выпали из рук, которые больше не могли держать их. И мы упали, охваченные сном, упали среди мертвых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.